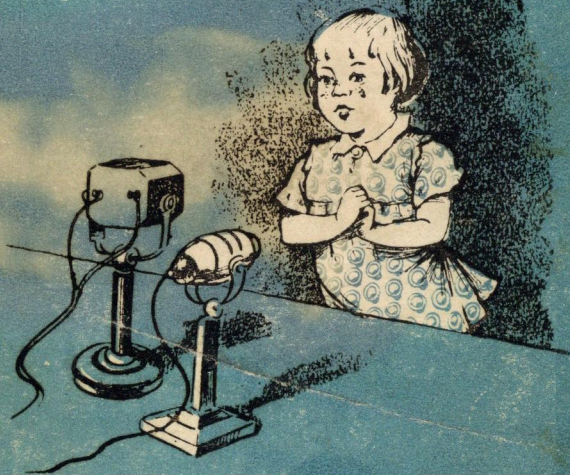

29853

А. Барто

РАЗГОВОР С ПАПОЙ
(ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ)

ИСТОРИЯ

1.

М

А. БАРТО

РАЗГОВОР С ПАПОЙ

ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ

29853.

ПРОФИЗДАТ — 1942

ДЕВОЧКА

Она стояла возле хаты,
Шумело зарево вдали,
Чужие, страшные солдаты
Куда-то маму увели.

Навеки в памяти осталось:
Стрельба и крик издалека...
В глазах у девочки усталость,
Большая, горькая тоска.

Она в тепле очнулась где-то,
Был вечер, но огонь не гас.
Она, отвыкшая от света,
Не открывала долго глаз.

Прошли сиделки по палатам,
Вошла высокая сестра.
Она вошла сюда, к ребятам,
Чтоб здесь остаться до утра.

Остановилась у кровати
Поправить простыни края,
В ответ на тихое объятье
Тревожный голос: „Ты своя?“

В глазах у девочки усталость,
Суровы детские черты.
Навеки в памяти осталось
Та ночь и крик из темноты.

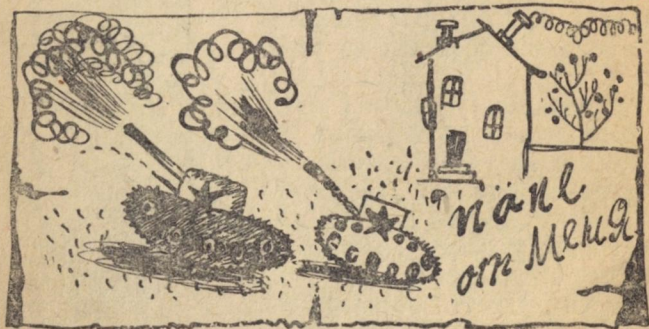
РИСУНОК

Ты получил письмо без марок!
Оно пришло издалека,
Твой сын прислал тебе в подарок
Два разрисованных листка.

Рисунок детский:
Дом, полянка,
И в клубах дыма
И огня

Идут вперед
Два красных танка
И надпись:
„Папе от меня“.

Ты нежно думаешь о сыне,
Когда уходят танки в бой,
В тяжелый гул передних линий
Рисунок ты берешь с собой.

РАЗГОВОР С ПАПОЙ

Звонить по телефону к маме на работу Лельке строго запрещено.

— Только в крайнем случае можно позвонить, — не раз говорила Лельке мама.

И вот, сегодня утром, вернувшись с прогулки, взволнованная, покрасневшая Лелька бросилась к телефону и стала набирать номер. На всю квартиру раздался звонкий лелькин голос:

— Позовите Петрову, я в крайнем случае звоню!

Торопясь и захлебываясь от восторга, Лелька рассказала маме какую-то несвязную историю. Она будет сегодня говорить с папой, не через трубку, а перед такой пластиночкой, и папа на фронте все услышит.

Оказалось, что нашу Лельку пригласили в радиостудию участвовать в передаче для фронта.

— Только надо раньше все придумать, чего я буду делать, а то потом все забудешь, — авторитетно объясняла Лелька соседям.

Соседи приняли горячее участие в предстоящем событии. Все стали давать Лельке советы, все просили передать папе привет и пожелать ему победы над врагом. Анна Васильевна, петина бабушка, посоветовала прочесть стихи, а первоклассник Петя считал, что Лелька должна спеть песню.

— По радио всегда поют, — солидно заявил Петя, — я сам хором в утреннике пел, только мне учительница не велела петь, потому что у меня слух не тот.

Петя предложил устроить репетицию. Он поставил на стол спичечную коробку и объяснил Лельке, что это микрофон, перед которым она должна говорить.

Лелька заволновалась.

— Дорогой папочка, — сказала она, — мы все здоровые, у меня 36,6, мне в прошлом году температуру мерили.

— Громче надо говорить! — прервал Петя и, оттолкнув Лельку от стола, закричал изо всех сил в спичечную коробку: — Дядя Сережа, бейте фашистских гадов!

Репетиция продолжалась долго. Петя подвергал лелькино выступление самой суровой критике.

— Очень ему интересно знать, что у тебя санки есть, — возмущался Петя. — Ты ему про действующую армию говори, а не ерунду дошкольную. Давай, начинай сначала!

Лелька послушно начинала сначала:

— Дорогой папочка, я бы тебе про санки сказала, но ты действующая армия.

Вечером за Лелькой пришли из радиокомитета. В передаче для фронта участвовало много народа, но Лельку это нисколько не смущало.

— У вас тоже папа на фронте? — спросила она у пожилого, седого пианиста Ивана Демьяновича.

— У меня сын на фронте, голубушка!

— А у нас папа, — подтвердила Лелька.

Началась передача, в студии наступила тишина. Лельку подвели к микрофону, диктор подал ей знак рукой.

— Можно начинать? — спросила Лелька в эфир и продолжала громко и уверенно: — Дорогой папочка! У нас была репетиция, но я тебе по-другому скажу, без Петьки. Мама послала на фронт посылку с завода, если ты мамину посылку не получишь, ты еще какую-нибудь возьми, они много послали, всем хватит. — Лелька замолчала на секунду, а потом прибавила: — Бей фашистских гадов, папочка, а стихи я забыла.

Петя ждал Лельку на улице около дома.

— Ну, как прошла передача? — осведомился он тоном опытного радиоработника. — От меня поклон передала?

Лелька задумалась.

— Кажется передала, — сказала она, с опаской взглянув на Петю. Вид у него был такой грозный, что Лелька быстро прибавила: — Передала, передала! Папа тебе тоже кланяется! Он сказал: передай Пете большое спасибо.

МОЙ БРАТИШКА

У меня братишка новый,
Новый братик, лет пяти,
Он сказал мне:
— Я приехал!
Буду здесь теперь расти.

Я хорошего такого
Не встречала малыша,
У него в руках тетрадка,
Два моих карандаша,

У него в тетрадке пушки,
По две с каждой стороны.
Я спросила:
— Ты откуда?
Он ответил:
— Я с войны.

На войне летели пули
У меня над головой,
А потом вернулись наши,
Оказалось — я живой!

Я хорошего такого
Не встречала малыша.
Положил он под подушку.
Два моих карандаша.

Он сказал: — Спокойной ночи.
Потеплей меня укрой,
Оставайся, если хочешь,
Навсегда моей сестрой.

ЛЕЛЬКА

Вечером, когда Клавдия Петровна, возвратясь с завода, советовалась с бабушкой о предстоящем важном событии, Лелька уже спала. Сегодня Клавдия Петровна окончательно договорилась в завкоме. Теперь оставалось только рассказать обо всем Лельке.

Клавдия Петровна усадила дочку на стул и велела сидеть спокойно.

— Вот что, Лелька, — сказала она каким-то особенным, серьезным голосом, — ты взрослая девочка...

Лелька насторожилась.

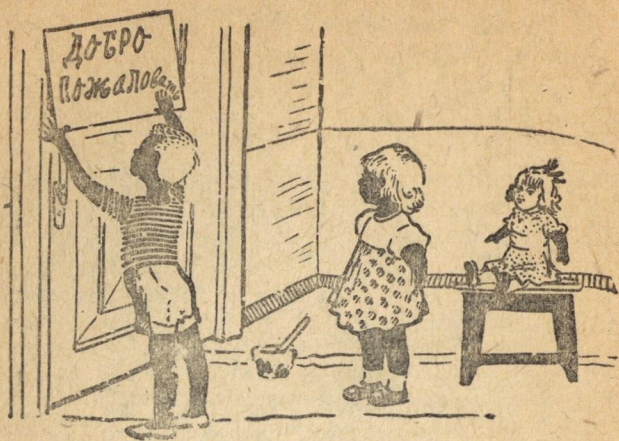
— Нет, я маленькая, — сказала она на всякий случай и встревоженно взглянула на мать. Опасения оказались напрасными, мать не сердилась на нее, она ласково объяснила Лельке:

— Теперь у тебя будет братишка, Володей зовут. Ему четыре года, пятый, он один остался, без отца, без матери, без родных, немцы их убили. Я думаю взять его к нам. Как, по-твоему, дочка?

Лелька деловито кивнула головой и задумалась.

— А чего это такое „опека“? — спросила она неожиданно. — Ты ее уже оформила? Это не больно, когда опеку делают?

„Оформить опеку“ — эти странные слова Лелька слышала вчера сквозь сон и сейчас вспомнила их. Ее смущало слово „опека“, оно напоминало аптеку, и лелькино сердце наполнилось тревогой за мальчика.

На следующий день рано утром Клавдия Петровна уехала за сыном. Бабушка поставила в комнату еще одну детскую кроватку, взятую у соседей, а Лелька посадила в переднюю на стул свою куклу Машу. Маша должна была первая встретить мальчика.

Сын соседей, первоклассник Петя, как всегда, поднял Лельку на смех.

— Разве так детей встречают? — сказал он с глубокой иронией в голосе.

И Петя написал на большом листе бумаги „Добро пожаловать“ и наклеил на входную дверь. Мальчик долго не приезжал, и Леся с бабушкой сидели на кухне и гадали: какой он? Грустный или веселый? Понимает ли он, что его маму убили или он еще мал слишком. Когда раздался звонок, Лелька так и сорвалась с места, но у двери она остановилась, перевела дух и открыла дверь степенно, как взрослая. Она хотела встретить мальчика, как старшая сестра.

Володя оказался очень самостоятельным малышом. Размашистой походкой он вошел в комнату, внимательно оглядел все и строго спросил у Клавдии Петровны:

— А где же у вас тут война?

— Не бойся, Володюшка, тут все свои, — успокоила его Клавдия Петровна. — Это твоя сестра, Лелька.

— Здесь все свои, — подтвердила Лелька, — я твоя сестра.

— И он тоже свой? — спросил малыш про Петю.

Вот, когда Лельке представился случай отомстить Пете за все! Но Лелька поступила благородно.

— Он тоже свой, — неохотно сказала она, — он тоже твой брат, только не родной, а двоюродный.

Лелька трогательно ухаживала за Володей и весь день не отходила от него ни на шаг. Но игра у них не ладилась, они никак не могли сговориться.

— Хочешь, пойдем гулять на улицу? — спрашивала Лелька.

— На улицу нельзя — там стреляют, — отказывался малыш.

— Тогда будем в прятки играть! — предлагала Лелька.

— Мне некогда, — отвечал малыш, — мне нужно идти немцев бить.

— Поиграйте в кубики, — помогла Лельке бабушка.

Лелька принесла кубики и разложила их на полу. Володя заинтересовался.

— Будем дом строить, — решил он.

Лелька построила красивый дом и самоотверженно уступила его брату.

— Это твой дом, ладно? Ты тут сколько хочешь живи...

— Нет, — покачал головой мальчик, — тут нельзя жить, теперь уже немцы пришли, сейчас они будут дом зажигать. Только одного дома им мало, они сразу много домов жгут!

— Бедный ты мой! — не выдержав, воскликнула бабушка. — Чего же ты там натерпелся, страху какого!

Вечером, перед сном, Лелька сама вымыла брата. Правда, из-за этого пришлось вымыться и ей, но она была готова на любую жертву ради мальчика.

Ночью Клавдия Петровна услышала тихий, жалобный детский плач. Она быстро встала, подошла к кровати мальчика. Нет, Володя спал спокойно, по-детски покрасневшись во сне. Плакала Лелька. Обычно, если Лельку обижали, она ревела громко, для всех, чтобы все знали, какие они несправедливые... На этот раз девочка тихо всхлипывала, стараясь сдержать слезы.

— Что с тобой, доченька? — встревожилась Клавдия Петровна.

Лелька продолжала молча плакать, утирая слезы обеими руками.

— Болит головка?! — испугалась мать.

— Нет, я здорова, — жалобно вздохнула Лелька. — Я не по себе плачу, я по мальчику плачу, зачем немцы его маму убили...

НАТАША

Почтальон проходит мимо
И стучит не в нашу дверь,
Почтальон проходит мимо,
Мы не ждем его теперь.

Он обходит все квартиры,
Все соседние дома.
Только нам, четвертый месяц,
Ни открытки, ни письма.

Всем приходят письма с фронта,
У меня товарищ есть,
Он вчера, перед уроком,
Два письма мне дал прочесть.

У него отец полковник,
Он сражается в Крыму.
Он, наверно, очень храбрый,
Это видно по письму.

Наш учитель от танкиста
Получил письмо вчера,
Только нам не пишет с фронта,
Наша старшая сестра.

Но сегодня, на рассвете,
Вдруг соседи будят нас
И читают нам в газете
Напечатанный указ.

Там написано в указе,
Кто получит ордена,
Там сестра моя, Наташа,
Может, это не она?

Говорят соседи маме:
— Ну, конечно, ваша дочь,
Тут не может быть ошибки,
И фамилия точь-в-точь,
И зовут ее Наташа,
Комсомолка с Уралмаша.

Вслух сама читает мама:
„В марте, первого числа
Молодая санитарка
Двадцать раненых спасла!“

Мама плачет отчего-то,
Младший брат кричит: ура!
Молодец сестра Наташа,
Наша старшая сестра!

Вдруг я вижу почтальона,
Я кричу ему в окно:
— Вы не в пятую квартиру?
Писем не было давно!

На звонок выходит мама,
Отворяет дверь сама,
Почтальон дает ей сразу
От Наташи три письма.

ВЕСНОЙ

Листики зеленые
Распустятся в саду,
По весенней улице
С ребятами пройду.

Нет, не в этом городе
Я, ребята, рос,
Не по этим улицам
Я знамена нес.

Проходил недавно я
Со своим звеном
По знакомой площади
В городе родном.

Здесь в апреле месяце
Только сходит лед,
А у нас на праздниках
Все вокруг цветет.

Клены распускаются
В парке городском.
Можно днем по улице
Бегать босиком.

Облака весенние
Ходят над рекой,
Здесь у вас, товарищи,
Нет весны такой!

Только в нашем городе
Теперь не до весны!
Улицы разрушены,
Клены сожжены.

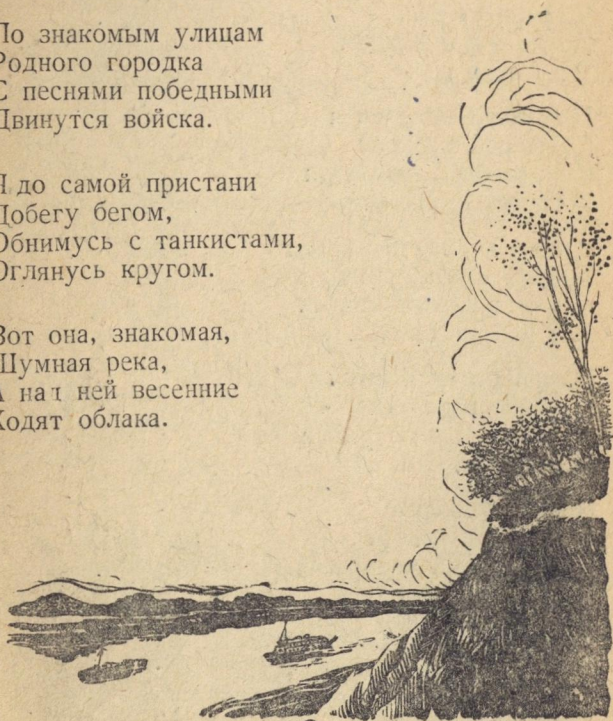
Девочка убитая
В парке городском,
Девочка кудрявая
С простреленным виском.

Молодые кустики
Распустятся в саду,
По знакомым улицам
Я еще пройду.

По знакомым улицам
Родного городка
С песнями победными
Двинутся войска.

Я до самой пристани
Добегу бегом,
Обнимусь с танкистами,
Оглянусь кругом.

Вот она, знакомая,
Шумная река,
А над ней весенние
Ходят облака.

ПИСЬМО СТАРШЕМУ БРАТУ.

Мы письмо тебе писали
В адрес почты полевой,
Мы письмо тебе писали,
Вдруг пришел товарищ твой.

На петлицах по две шпалы,
Две медали у него,
Он сказал мне:
— Здравствуй, малый,
Я от брата твоего...

— Жив ли он?
Спросила мама,
— Жив ли он?
Скажите прямо!

Я мигал ему глазами,
Делал знаки, как умел.
Говорить не надо маме!
Мама белая, как мел!

Он сказал:
— Даю вам слово,
Что Андрей почти здоров,
Он уж ходит по палате
С разрешенья докторов.

Он с товарищами вместе
Подорвал немецкий дзот,
Он ушел от верной смерти,
Значит, долго проживет.

Ты, Андрюша, сильно ранен,
Но опять стремишься в бой,
Ты воюешь с докторами...
Так сказал товарищ твой.

Мама очень волновалась,
Но держалась молодцом,
Я смотрел за ней все время,
За ее следил лицом.

Дорогой мой брат Андрей!
Поправляйся поскорей!
Выздоровливай, Андрюша,
И опять фашистов бей.

Дорогой мой брат Андрюша!
А у нас совсем тепло!
Я собрал цветного лома
Сто четырнадцать кило.

Как с товарищем,
Со взрослым,
Говори теперь со мной.
Я теперь не просто школьник, —
Побывал на посевной.

Дорогой мой брат Андрюша,
От ребят тебе привет!
Написал бы я побольше, —
Только места больше нет.

ПАРТИЗАНКЕ ТАНЕ

(Ученице десятого класса)

На лице твоем- смертный покой,
Мы запомним тебя не такой,
Мы запомним тебя смуглолицей,
Смелой девушкой с сердцем бойца.

Ты недавно была ученицей,
Поджидала подруг у крыльца.

Избивали фашисты и мучали,
Выгоняли босой на мороз.
Были руки веревками скручены.
Пять часов продолжался допрос.

На лице твоем шрамы и ссадины,
Но молчанье ответом врагу...
Деревянный помост с перекладиной,
Ты босая стоишь на снегу.

Нет, не плачут седые колхозники,
Утирая руками глаза,
Это просто с мороза, на воздухе
Стариков прошибает слеза.

Юный голос звучит над пожарищем,
Над молчаньем морозного дня.
— Умирать мне не страшно, товарищи,
Мой народ отомстит за меня.

Юный голос звучит над пожарищем,
Юный голос горит на ветру.

— Умирать мне не страшно, товарищи,
Я горда, что с победой умру.
На лице твоём смертный покой,
Мы запомним тебя не такой!

ВОЛОДЯ КОЧЕТКОВ

Еще в прошлом году зимой, во время тренировок на московском стадионе „Динамо“, на закрытых теннисных площадках я обратила внимание на Володю. Высокий, худощавый, подвижной мальчик, прекрасно владел ракеткой, ловко отбивал все мячи и смело играл у сетки. Дядя Сережа, инструктор детской команды „Буревестник“, сказал мне, с гордостью показывая на мальчика:

— Мой ученик, одно удовольствие с ним заниматься, исключительные способности, только горяч очень.

В начале лета на стадионе разыгрывался финал детского командного первенства Москвы по теннису. Первым номером в команде „Буревестника“ играл Володя. Володя волновался, ему очень хотелось выиграть, „показать класс“ игры.

— Ну, как самочувствие? — спрашивали его ребята.

— Признавайся, дрожишь?!

— Да нет, я, кажется, сегодня в форме.

— Начинали бы только скорей!

Володин противник, Толя Сергеенко из команды „Наука“, симпатичный, упитанный мальчуган, был настроен мрачно, он боялся встречи с Володиной. На всякий случай он сказал ребятам, что у него болит голова.

— Нет, правда, — уверял он товарищей, — трещит голова прямо до ужаса, она у меня еще вчера болела!

Главный судья объявил начало игры. Мальчики вышли на площадку. Оба загорелые, в белых трусиках и майках, с ракетками в руках, они

заняли свои места. По команде судьи Володя подал первый мяч. Подача у него была сильная, резкая. Толя промазал, не принял мяча. Это придало бодрости Володе. Он играл блестяще, умно, красиво, ловко. Мы все ему горячо аплодировали.

Легко и быстро он выиграл первую партию. Толя, красный, вспотевший, оправдывался перед своей командой:

— Не идет у меня игра, головная боль мешает...

Ребята отвели Толю от площадки и стали шопотом давать ему советы, как справиться с противником.

— Против него надо осторожно играть, — поучали Толю молодые чемпионы. — Он лупит во- всю, а ты его измором возьми.

Советы помогли. Во время второй партии Толя переменял тактику. Не рисковал, спокойно отбивал каждый мяч. Володя же стал горячиться, старался бить все сильнее и много мазал, попадал за линию. Два раза подряд он так неловко подкинул мяч, что кто-то из зрителей громко рассмеялся. Самолюбивый мальчик вспыхнул и стал делать вид, что он нарочно плохо играет, не желает соревноваться. Третью партию он играл также плохо, и первенство Москвы выиграла команда „Наука“. Толю все поздравляли, хвалили за выдержку, за умение владеть собой. А Володя побежал к пруду, бросился там на траву и расплакался, как маленький. Дядя Сережа пошел за ним следом, и я слышала, как он безжалостно отчитывал своего ученика

— Это не игра, а позор, — сурово говорил он мальчику. — Противник в десять раз слабее тебя, но у него выдержка и самообладание, а у тебя что? Одна горячка! Чему я тебя учил?

Володя всхлипывал и бормотал что-то несвязное:

— Несправедливо, я не буду, я не горячусь...

Прошло три месяца с этого дня. Я еще раз встретилась с Володей, это было в августе, уже во время войны. Погасли огни на московских улицах, по темному небу шарили прожекторы, выискивая вражеские самолеты. Враг ударял из облаков. Наша красавица — Москва стала военным городом.

В один из августовских вечеров я задержалась у своих друзей, и воздушная тревога застала меня в чужом доме. Мои товарищи дежурили во дворе, я осталась с ними. Москвичи в то время уже начали привыкать к бомбардировкам, уже появилось пренебрежительное слово „воздушка“, вместо воздушной тревоги, „зажигалка“ — вместо зажигательной бомбы. Протяжно и жутко выли сирены, но никто не терял спокойствия. Вдруг одна из дежурных, молодая еще женщина, до сих пор молчавшая, громко сказала, почти крикнула:

— Он опять там! Я ничего не могу с ним поделать!

Товарищи объяснили мне, что тринадцатилетний сын этой женщины дежурит на крыше, в пожар-

ной дружине. Уже не в первый раз он несет вахту, это очень выдержанный мальчик, недавно он погасил две „зажигалки“.

— Он опять там! — еще раз взволнованно повторила женщина.

Тревога на этот раз продолжалась недолго, раздался „отбой“, все облегченно вздохнули. Через двор прошли жители дома, возвращаясь из убежища. Спустилась с крыши пожарная дружина.

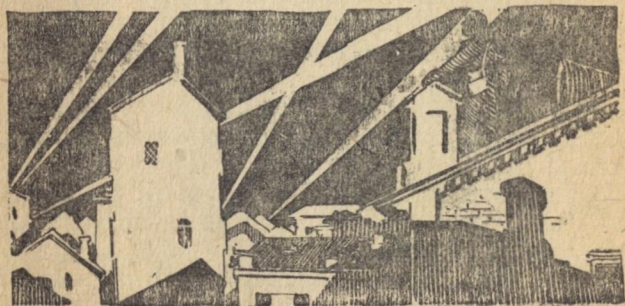
Во дворе раздался шутиливый мальчишеский возглас:

— Граждане! Спускаясь с крыши, не забудьте погасить зажигательную бомбу!

В высоком, подвижном мальчике я узнала Володю Кочеткова, первого игрока детской теннисной команды „Буревестник“.

— Перестань шутить, Володя, — попросила мать. У нее все еще был встревоженный голос. — Я очень беспокоилась.

— Напрасно, мамочка, — с покровительственной нежностью ответил мальчик, — на крыше не так страшно — требуется только выдержка и самообладание, и встреча с противником выиграна в вашу пользу.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

В этом детском доме живут дети-сироты, дети, побывавшие под властью немцев. Входишь в переднюю — тишина, нет веселой возни, радостной атмосферы детства. В большой теплой комнате тоже тихо. Пятилетний Коля не отходит от окна, он то и дело приподнимает край занавески и смотрит в сад настороженно и взволнованно.

— Это свой? — спрашивает Коля про каждого прохожего.

— Немцев боится, — объясняет мне руководительница.

Удивительно нежно эта самоотверженная женщина относится к пострадавшим детям. Она тихонько отводит мальчика от окна, отвлекает его, уговаривает, но через несколько минут он снова возвращается, опять настороженно приподнимает занавеску и все так же испуганно спрашивает:

— Кто там? Это свой?

Наверно, так стояли они с матерью у окна своей избы, испуганные, ожидавшие смерти.

... На улице к одному из прохожих подходит женщина с маленьким сынишкой на руках. Она спрашивает:

— Скажите, где здесь почтовое отделение?

— Мы вас проводим, — вдруг раздаются детские голоса, и вперед выходят два мальчика.

— Вам письмо послать или открытку? — спрашивает один из них.

— Адрес: полевая почта? — деловито осведомляется другой и, покашляв для солидности, говорит, взглянув на малыша: — Мы вам поможем написать, а то вам с этим мальцем неудобно.

— Мне телеграмму послать сестре, — рассказывает женщина.

Ребята явно разочарованы.

— Сестре? А какая сестра — санитарная или обыкновенная?

— Обыкновенная, — улыбается женщина.

— Ну, ладно, все равно проводим вас, — со вздохом говорит один из мальчиков. — А мы думали, у вас муж на фронте.

— Он на фронте, — подтверждает женщина.

— Ну, правильно, — успокоившись, говорит мальчик, — мы потому и решили вас проводить. Мы тимуровцы.

Ученик восьмого класса прислал письмо в Союз писателей:

„Уважаемые товарищи писатели!

Прошу вас, помогите мне подписаться на газету „Правда“, я не могу, в военное время, обходиться без центральной газеты“.

Школьница, четырнадцати лет, советует:

— Напишите книгу о мальчике-немце, о подрастающем мерзавце, объясните, каким образом молодой мальчик может потерять облик человеческий.

Маленькая девочка спрашивает у матери:

— Мама, а за что их фашистами сделали? В наказание?

Девочка не может себе представить, что фашистом можно стать добровольно.

Шестилетний мальчик, вероятно, будущий поэт, прочитал мне недавно такие свои стихи, полные глубокого чувства любви к родине, полные детской искренности.

Фашисты вот на нас напали
Своею гадостной рукой,
И папа мой ушел сражаться,
И это очень хорошо!
Конечно, мама часто плачет,
Когда от папы писем нет...
Но пусть мой папа сильно бьется
За всех товарищей-людей.
Я раньше сам боялся крови,
Теперь я крови не боюсь!

Мы все потерпим до победы,
Она придет, придет скорей,
И пусть погибнут все фашисты,
И это очень хорошо!

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека

СОДЕРЖАНИЕ

1. Девочка	3
2. Рисунок	4
3. Разговор с папой	5
4. Мой братишка	8
5. Лелька	9
6. Наташа	13
7. Весной	15
8. Письмо старшему брату	17
9. Дружба	19
10. Партизанке Тане	21
11. Володя Кочетков	23
12. Из записной книжки	27